

відношенню до емоційних переживань. Тобто можна говорити про вплив національного, соціального, культурного середовища на характер експресії емоцій, на появу у ній спеціальних забарвлень, які поширені саме у цьому середовищі. У певному середовищі спостерігаються відомі стереотипи вираження емоцій. Ці стереотипи характерні для певних культурно-соціальних груп і добре ними розуміються. У процесі зміни звичаїв та моральних засад людей змінюються і норми вимог до вираження емоцій. Тому з'являються характерні для різних вікових груп населення особливості вираження емоцій, свої слова, форми передачі емоційного ставлення до людей і подій, які не зовсім точно сприймаються іншими категоріями людей. Це є причиною вивчення соціокультурного фактора при дослідженні емоцій. Важливим чинником впливу на виникнення і протікання емоцій є соціальний характер існування людини, оскільки процес оволодіння виразом емоцій у суспільстві досить тривалий у часі. Він вимагає засвоєння усієї палітри вираження емоцій у тонких і диференційованих формах, що потребує засвоєння ряду вмінь та набуття достатнього досвіду. Оволодіння експресією – явище двостороннє, яке вимагає передусім появу та розвиток сприйняття різних форм і відтінків емоцій, вміння їх тонко розпізнавати. Інший бік процесу потребує вміння користуватися відтінками вираження емоцій, щоб переконливо і точно передавати свої переживання та емоційне ставлення до тих чи інших явищ. З ускладненням трудової діяльності та психічного життя кількість емоцій збільшується.

Висновки та перспективи подальших досліджень. Таким чином, різнопланова взаємодія емоційної і когнітивної систем як явище позамовної дійсності знаходить своє подальше відображення у мові, впливаючи на формування мовних знаків. Зазначені в статті види взаємодії емоційної та когнітивної систем слід враховувати при аналізі семантики мовних одиниць усіх рівнів.

Використана література:

1. Додонов Б.И. В мире эмоций – К.: Политиздат Украины, 1987. – 141 с.
2. Изард К. Эмоции человека: Перевод с английского. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. – 440 с.
3. Костюк Г.С. Психология. – К.: Рад. школа, 1968. – 572 с.
4. Кузин В.С. Психология. – М.: Высшая школа, 1974. – 280 с.
5. Лук А.Н. Эмоции и личность. – М.: Знание, 1982. – 176 с.
6. Немов Р.С. Психология. – М.: Просвещение, 1995. – 576 с.
7. Циген Т. Физиологическая психология в 14 лекциях // Основные направления психологии в классических трудах. Ассоциативная психология.– М.: ООО “Издательство АСТ-ЛТД”, 1998. – С. 340 – 602.
8. Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопр. языкознания. – 1984. – №6. – С. 97-103.
9. Arnold M.W. Emotion and personality. Vol.1. Psychological aspects. – N.Y.: Columbia University Press, 1960. – 243 p.

*Гоменюк А.А.
Горлівський державний педагогічний
інститут іноземних мов*

РЕЧЕВОЙ КОНФЛИКТ И АСПЕКТЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Понятие “конфликт” входит в научную парадигму философии, социологии, психологии, правоведения, педагогики, юриспруденции, лингвистики, поскольку

противоречия и столкновения возникают практически во всех сферах человеческой жизни: профессиональной, личной, бытовой. Лингвистическое исследование данного понятия требует синкретического подхода к данному явлению, что составляет основную тенденцию в коммуникативной лингвистике и теории коммуникации.

Описание английского дискурса в одном из важнейших проявлений межличностной коммуникации – речевого конфликта на фоне гармонического взаимодействия – позволяет осознать природу и механизмы функционирования данного явления, вскрыть его глубинные причинно-следственные отношения, аргументировать функциональные особенности конфликтного высказывания, обусловленные единством лингвистического, психологического (личностного) и социального. В поле внимания исследователей включаются такие явления, как коммуникативный сбой (Е. В. Падучева), коммуникативный провал (Т. В. Шмелева), коммуникативная неудача (Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова, Е. А. Земская, О. П. Ермакова), коммуникативная помеха (Т. А. Ладыженская), языковой конфликт (С. Г. Ильенко), речевой конфликт (В. С. Третьякова, О. Н. Матвеева), конфликтное речевое взаимодействие (Е. В. Фадеева, И. Е. Фролова). Данные явления вносят дисгармонию в речевые действия коммуникантов, разрушают понимание, вызывают негативные эмоциональные и психологические состояния партнеров коммуникации.

Актуальность вышеназванной проблемы определяется тем, что причины и условия конфликтного и гармоничного социально-коммуникативного взаимодействия остаются на сегодняшний день недостаточно решенными. В исследовании речевого конфликта мы применяем комплексный подход, определив в качестве приоритетных лингвокогнитивный, психолингвистический и лингвокультурологический аспекты, которые характеризуют ведущие направления современной лингвистики.

Одной из задач коммуникативной лингвистики, изучающей “поведение знаков в реальных процессах коммуникации”, является выявление “правил коммуникативного кодекса”, что возможно только через анализ “коммуникативных осечек, неуместных речевых актов, их несовместимости” [1, 25-26]. Любое нарушение “правил коммуникативного кодекса” в лингвистической литературе чаще всего принято обозначать термином *коммуникативная неудача*, под которым понимается полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего [2, 64-66]. Н.И.Формановская указывает на то, что непонимание, недоразумение и сбой в общении могут быть обусловлены самыми разными причинами, как внешними, экстралингвистическими, так и собственно языковыми. Например, к коммуникативным неудачам приводят и различия в картинах мира, сформированные разными национальными культурами (это так называемые “несовпадения речевого поведения свободно говорящих на одном языке представителей разных национальностей в силу специфики национально-культурных стереотипов...”), и разные ментальные модели фрагментов действительности, и “социальное” неравноправие коммуникантов, и нарушение условий места и времени коммуникации [7, 232-234].

Не всякая коммуникативная неудача завершается конфликтом. Конфликт подразумевает столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов оппонентов или субъектов взаимодействия [4, 9]. По мнению И.Е.Фроловой, конфликтное речевое взаимодействие – это “тип речевого взаимодействия, направленного на нарушение гармонии межличностных отношений путем совершения угрожающих адресату речевых действий” [8, 244]. Итак, речевой конфликт имеет место

тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться соответствующими – негативными – средствами языка и речи. Такие речевые действия говорящего – субъекта речи определяют речевое поведение другой стороны – адресата: он, осознавая, что указанные речевые действия направлены против его интересов, предпринимает ответные речевые действия подобного рода, выражая отношение к предмету речи или собеседнику. Эта противонаправленная интеракция, по мнению В.С.Третьяковой, и есть речевой конфликт [6, 9].

Поскольку экспликация существующих между двумя сторонами противоречий происходит чаще всего на вербальном и речедеятельностном уровнях, то актуальным становится изучение речевого поведения участников данного типа взаимодействия с точки зрения средств и способов выражения данных противоречий. Однако материальное выражение конфликтных отношений субъектов речи в акте коммуникации в виде конкретных языковых и речевых структур является отражением их докоммуникативного состояния (интересов, позиций, взглядов, ценностей, установок, целей и т.п.).

Среди языковых средств, маркирующих конфликтный коммуникативный акт, особенно чувствительны к конфликтному компоненту лексико-семантические и грамматические средства выражения. Носителями конфликтных смыслов в лексико-семантической системе языка являются многозначные слова и омонимы, употребление которых вне достаточно развернутого контекста становится конфликтогенным фактором в развитии коммуникативного акта. Более всего отмеченными свойствами обладают ненормативная (инвективная) и негативно-оценочная лексика, специальные номинации собеседников по какой-либо примете при отсутствии имени лица номинации [6, 11]. Как отмечает Давид Хиз, обзывания, оскорбления и другие агрессивные тактики только усугубляют конфликт [9, 17]:

“Who the hell do you think you are? You are a snotty bastard. You come in here where nobody asks you and eat a man’s food and when he asks to borrow a knife you get snotty.”

He glared at Nick, his face was white and his eyes almost out of sight under the cap.

-“You’re a hot sketch. Who the hell asked you to butt in here?” – “Nobody”.

-“You’re damn right nobody did...Where the hell do you think you get off?” Nick said nothing.

-“I’ll tell you, you yellow-livered Chicago bastard. You’re going to get your can knocked off. Do you get that?” (Hemingway, 58-59).

Приведенный пример иллюстрирует конфликтную ситуацию повышенной эмоциональной напряженности. Такие параметры ситуации, как неравенство статусных ролей партнеров по коммуникации (Эдд старше по возрасту Ника), эмоциональные состояния говорящих в момент общения (эмоциональная возбужденность, неконтролируемость своих действий, агрессивность Эдда) влияют на формы и способы речевого взаимодействия коммуникантов (речевое поведение Эдда имеет агрессивную направленность, речь Эдда пронизана различными оскорбительными номинациями) и обеспечивает высокий коммуникативный эффект в ситуациях такого типа (от оскорблений и угроз Эдд приступает к непосредственным неречевым действиям – намеревается избить Ника).

Грамматическими маркерами конфликта являются личные местоимения “he”, “she” по отношению к лицу, присутствующему при разговоре, на функционирование которых накладываются определенные ограничения ситуацией высказывания; большой конфликтогенной силой обладают императивы, частицы, специальные синтаксические структуры: *Shut up! Shut your mouth! Shut up your bazoo! Shut your gob! Zip up (your bloody*

mouth)! Go to hell (the devil)! Sod off! Go back to hell! Clear out of here! Don't be+ a N! Don't be+ A! Bloody! Shit! Damned+N! Например:

The girl raised her head. "Go back to hell where you came from, you old wart hog," she whispered. Mrs. Turpin sank back in her chair (O'Connor, 188).

В ситуациях конфликтного речевого взаимодействия недостижение коммуникативных целей вызывает возникновение негативных эмоций, под влиянием которых речевое поведение коммуникантов значительно видоизменяется, утрачивая рациональные основы. При этом ролевые предписания для выбора речевых средств реализации интенции ослабляют свое действие на поведение говорящего. Сами же речевые интенции достаточно легко подвергаются переориентации в силу формирования в сознании конфликтующих образа врага. Эта переориентация идет в направлении эмоционального обмена негативными оценками. Целью, возникшей в результате конфликтного развития ситуации, является цель "побольше уязвить оппонента" [3, 87], т.е. нанести ему определенный моральный ущерб. Наилучшим образом отвечает этой цели оскорбление словом. При этом коммуниканты начинают стремиться к повышению собственного статуса и понижению коммуникативного статуса адресата, пренебрегая ролевыми предписаниями.

Окончательная потеря самоконтроля нередко завершается аффектом, представляющим собой эмоциональную перегрузку. Развитие аффекта подчиняется следующему закону: чем сильнее является исходный мотивационный стимул поведения и чем больше усилий пришлось затратить на то, чтобы его реализовать, и чем меньше итог, полученный в результате всего этого, тем сильнее возникающий аффект. Специфической чертой аффективного речевого поведения является то, что в борьбе за коммуникативный статус фактор роли в конечном итоге полностью стирается. Это проявляется в том, что коммуникант игнорирует установленные в социуме нормы поведения. В агрессивном речевом поведении это находит отражение в использовании табуированных речевых приемов и языковых средств для выражения крайне негативной оценки противника. Таким целям наиболее отвечает инвектив:

"Weak-livered, weak-bellied asshole!" – he spat out contemptuously. "Hitch up the horses to the sleigh, you sniveling heap of dung!" (Singer, 95).

Cap said angrily. "You take the face and she forgets your name. You're a dumbass. Lance, you know that." (Grisham, 112).

Нанося моральный ущерб противнику, говорящий в состоянии аффекта преследует цель предельно снизить коммуникативный статус партнера за счет указания на несоответствие статуса последнего его моральному облику и этическим ценностям, а тем самым создать социальную дистанцию. Вместе с тем, иногда, вместо ожидаемого катарсиса, говорящий получает установку на повторение агрессивных ощущений, а укрепившись в допустимой речевой агрессии, он экстраполирует агрессивную модель поведения на ситуации, при которых слова частично или полностью заменяются физическими действиями, что иллюстрирует следующий пример:

I said "Give her the time in Ed Banky's goddam car?" My voice was shaking something awful.

"What a thing to say. Want me to wash your mouth out with soap?"

"Did you?"

"That's a professional secret body."

This next part I don't remember so hot. All I know is I got up from the bed... and tried to sock him, with all my might ... (Salinger, 63-64).

Такого рода общение уже представляет собой “игру без правил”, в которой победа достается любой ценой. По существу, вербальную агрессию – инвективу – можно рассматривать как интериоризацию поступка. В плане исследуемой темы это означает, что словами иной раз можно добиться даже большего, чем соответствующим физическим действием, например, ударом; не говоря уже о том, что “экстериоризация поступка” (тот же удар) в ряде случаев вообще может оказаться невозможной, и словесное выражение эмоций является единственным доступным способом их материализации [3, 43].

Итак, в условиях конфликтной речевой ситуации коммуниканты ведут борьбу за социально высокий коммуникативный статус, позволяющий наиболее эффективно реализовать речевое воздействие на партнера по коммуникации. Степень мобильности коммуникативного статуса в конфликтной ситуации во многом зависит от социального статуса и ролевых отношений коммуникантов. От последних, следовательно, зависит и выбор коммуникантами способов речевого воздействия. При конфликтном развитии речевой ситуации наблюдается противоречивое взаимодействие эмоционального состояния конфликтующих сторон с их ролевыми предписаниями, которые проявляются в повышении собственного коммуникативного статуса посредством использования средств речевой агрессии. В аффективном эмоциональном состоянии фактор ролевой принадлежности стирается, и коммуниканты вступают в инвективное общение, являющееся крайним проявлением речевой агрессии. Таким образом, к наиболее существенным языковым и речевым механизмам порождения конфликта относятся: наличие разногласий в интенциональных и коммуникативных установках адресата и адресанта; интенсивное вербальное воздействие одного из партнеров коммуникации с целью достижения своего коммуникативного намерения (снижение коммуникативного статуса собеседника), которое проявляется в употреблении языковых средств, наносящих ущерб партнеру по коммуникации (слов с негативно оценочным значением, инвективной лексики); нарушение языковых норм, конвенций и правил; использование конфликтных речевых, паралингвистических и невербальных средств, унижающих честь и достоинство собеседника (стратегий дискриминации, подчинения, тактик угрозы, оскорбления, нанесение обиды, оскорбительных жестов агрессивного тона, угрожающей интонации и др.) Детальное изучение паралингвистических и невербальных средств порождения конфликта и представляет перспективу дальнейшего исследования.

Использованная литература:

1. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI: Лингвистическая программа. – М.: Прогресс, 1985. – С. 3-42.
2. Городецкий Б.Ю. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний: Сб. ст. – Новосибирск, 1985. – С. 64-87.
3. Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира: Монография. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Ладомир, 2001. – 340 с. – (Русская поэтапная литература).
4. Ложкин Г. В., Повякель Н.И. Практическая психология конфликта: Учеб. Пособие. – К.: МАУП, 2000. – 256 с.
5. Падучева Е.В. Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1982. – № 4 – С.305-313.
6. Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи // Известия Уральского государственного университета. – 2003. – № 27. – С.8-16.
7. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения: Учеб. пособие. – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С.Пушкина, 1998. – 291 с.
8. Фролова І.С. Вербалізація конфлікту у дискурсі. // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен / Під загальн. ред. Шевченко І.С.: Монографія. – Харків: Константа, 2005. – С. 237-262.
9. Heath D. Dealing with conflict. – Marrickville: Acad. Press Australia, 2004. – 220p.